

0 774933

На правах рукописи

Завадская Анастасия Викторовна
«Эпатажная лексика» в поэзии русских футуристов

10.02.01 – русский язык

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Завадская

Самара – 2008

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Оренбургский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Прокофьева Виктория Юрьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент
Шляхова Светлана Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент
Безрукова Анна Андреевна

Ведущая организация: Российский университет дружбы народов

Защита состоится «18» декабря 2008 года в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 212.218.07 при Самарском государственном университете по адресу: 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал заседаний

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Самарского государственного университета

Автореферат разослан «12» ноября 2008 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514524

Ученый секретарь
диссертационного совета

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Г.Ю. Карпенко'.

Г.Ю. Карпенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено анализу функционирующих в футуристическом тексте лексических единиц, использование которых приводит к созданию эпатирующего эффекта. В рамках обозначенной темы соединяются вопросы когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лингвопоэтики.

Актуальность исследования определяется его включенностью в круг современных филологических исследований художественного текста вообще и лексической структуры поэтического текста в частности. Коммуникативная модель «автор» – «текст» – «читатель», которая стала центральной в филологических исследованиях последних лет, приобретает особую значимость в современной лингвистике, уделяющей внимание субъективному фактору при рассмотрении языковых процессов. Антропоцентрическая парадигма выдвигает в центр исследований языковую личность и текст как продукт ее речемыслительной деятельности. Своеобразие творческой языковой личности отражается в созданных ею художественных текстах. Значимым на сегодняшний день представляется изучение семантических модификаций поэтического слова в аспекте идиостиля, так как идиостиль «проявляется и в способах эстетической актуализации ключевых слов, в их семантических и эстетических трансформациях на уровне текстовой парадигматики и текстовой синтагматики в соответствии с коммуникативной стратегией автора и его интенцией» (Н.С. Болотнова).

Актуальность работы обусловлена также тем, что с 1940-х по 1980-е гг. исследований по художественному языку футуристической поэзии проводилось немного, так как доступ к изучению многих источников по авангарду был закрыт. Первые теоретические отзывы и попытки теоретического осмысления нового литературного течения – футуризма – обнаруживаются в трудах А.К. Закржевского, Е.П. Радица, Г.О. Тавстена, К.И. Чуковского, А.А. Шемшурин и др. Этапы освоения отечественной филологией наследия русского футуризма связаны с именами М.Л. Гаспарова, В.П. Григорьева, Н.И. Харджиева, В.Н. Альфонсова. В российской науке последних десятилетий сформировался круг ученых, предлагающих современные подходы к феномену футуристического искусства (С.Е. Бирюков, Е.А. Бобринская, И.Е. Васильев, И.Ю. Иванюшина, Т.В. Казарина, А.А. Кобринский, Е.Ф. Ковтун, А.В. Крусанов, О.М. Култышева, М.В. Лобанова, Ю.Б. Орликский, И.М. Сахно, М.И. Шапир и др.). Исследование русского футуризма за рубежом связано с именами В.Ф. Маркова, Е. Фарьно, Л. Флейшмана, А. Ханзен-Лёве, Р. Циглер, Дж. Янечка и др.

В лингвистических исследованиях последних лет, посвященных языковому уровню футуристических текстов, как правило, анализируется лишь окказиональная лексика (А.Ю. Астафьев, В.П. Григорьев, Н.Н. Перцова, Л.Н. Фомина, В.В. Никольцева, Я.П. Полухина, Ю.Н. Сичинава и др.). Однако лексический уровень поэзии футуристов представляет интерес для исследования и других единиц этого уровня (например, эмотивной, просторечной лексики). В этом аспекте исследование, направленное на поиск общих языковых черт поэтической

школы, выявление ее «лексического» портрета и представляющее комплексный анализ единиц лексического уровня, представляется актуальным.

Объект исследования – язык поэзии русских футуристов.

Предмет исследования – лексические единицы, способствующие созданию эпатирующего эффекта.

Материалом исследования послужили около 2000 текстовых фрагментов поэзии В. Маяковского, В. Хлебникова, И. Северянина, В. Шершеневича, Д. Бурлюка, А. Крученых, В. Каменского, К. Олимпова, В. Гнедова, выявленных в соответствии с целью работы методом представительной выборки. Источниками исследования стали футуристические сборники 1910-1920-х годов и более поздние републикации произведений авангардной поэзии (Поэзия русского футуризма. – СПб., 1999); собрания сочинений В. Маяковского, В. Хлебникова, И. Северянина; сборники теоретических выступлений (Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания. – М., 1999; Литературные манифесты. От символизма до Октября. – М., 2001).

Цель исследования – системное описание семантических и функциональных особенностей «эпатажной лексики» в поэзии русских футуристов.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

– теоретически обосновать понятие «эпатажная лексика», выявить типологию лексических единиц, входящих в состав «эпатажной лексики»;

– установить основные критерии отбора и систематизировать лексические единицы, относящиеся к «эпатажной лексике»;

– проанализировать эмотивную и окказиональную лексику, функционирующую в футуристической поэзии, с точки зрения создаваемого ею эпатирующего эффекта;

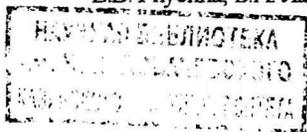
– проанализировать использование просторечных слов в аспекте создания ими эпатирующего эффекта;

– продемонстрировать возможности метафоры в создании эпатирующего эффекта.

Основными **методами исследования** являются контекстуальный, компонентный и ассоциативный анализ, метод лингвистического наблюдения, описательный метод, элементы структурно-компонентного анализа.

В работе используются данные таких смежных наук, как литературоведение, культурология, философия, психология.

Теоретическую базу исследования составляют идеи, заключенные в работах по наследию русского футуризма (Л.П. Быков, В.П. Григорьев, И.И. Ивановщина, Т.В. Казарина, М.Ю. Маркасов, В.Ф. Марков, Д.Э. Мильков, И.М. Сахно, Е.В. Тыршпкина, О.А. Ханзен-Лёве, Н.И. Харджиев, М.И. Шапир и др.), по описанию окказиональной лексики (Г.О. Винокур, В.В. Лопатин, А.Г. Львов, В.В. Никульцева, Я.П. Полухина, Н.И. Фельдман, Э.И. Ханшира, С.А. Хромова и др.), по описанию эмотивной лексики (И.А. Арнольд, Л.Г. Бабенко, Е.М. Галкина-Федорук, Е.Г. Ковалевская, М.Н. Кожина, Н.А. Лукьянова, И.А. Стернин, Т.А. Трипольская, В.И. Шаховский и др.), по описанию просторечия (Л.И. Баранникова, К.А. Войлова, Е.В. Гнусина, Б.А. Ларин, Л.А. Капанадзе, Лю Юн, Ю.С. Сорокин, В.В. Химик и др.),

по описанию метафоры (Н.Д. Арутюнова, Е.А. Барашкина, О.И. Глазунова, Н.А. Илюхина, В.П. Москвин, Г.Н. Склярская, В.Н. Телия, В.К. Харченко и др.).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- впервые показано, что эпатаж является стилиобразующей чертой всего творчества футуристов, а не только особенностью, присущей исключительно поведению поэтов;
- проведен комплексный анализ единиц лексического уровня в отличие от имеющихся исследований, где анализируются отдельные лексические единицы (как правило, окказионализмы, реже эмотивная лексика);
- выявлены критерии возникновения эпатажа на языковом уровне в поэзии русского футуризма;
- определены условия перехода эмотивной лексики в разряд «эпатажной»;
- проанализирована функционирующая в футуристическом тексте просторечная лексика, создающая эпатирующий эффект;
- рассмотрены единицы окказиональной лексики с точки зрения словообразовательной производительности и соответствия законам словообразовательной системы русского языка, а также с точки зрения создания ими эпатирующего эффекта;
- определены особенности футуристической метафоры через призму создания эпатирующего эффекта, выделены тематические группы «эпатажных» метафор.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что исследуется совокупность лексических средств поэзии русского футуризма, создающих эпатирующий эффект, вводится понятие «эпатажная» лексика, анализ и типология которой позволяет представить особенности языка поэтической школы, определить ее стилиобразующие черты и на этой основе раскрыть особенности лексического структурирования современных эпатажных текстов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его основных положений и выводов в курсах лекций «Лексикология», «Филологический анализ текста», «Стилистика русского языка», спецкурсах, посвященных концептуальному анализу художественного текста, в преподавании литературоведческих дисциплин.

Гипотеза исследования заключается в следующем: в лексической системе поэзии русского футуризма можно обнаружить особые, стилиобразующие, элементы, функционирование которых приводит к созданию эпатирующего эффекта, основанного на столкновении языковых, этических и эстетических норм.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В футуристическом тексте функционируют лексические единицы, создающие эпатирующий эффект в результате нарушения языковых, этических, эстетических норм. Нарушение лексических норм достигается за счет введения в текст единиц, названных нами «эпатажной лексикой». «Эпатажная лексика» – совокупность лексических единиц, употребление которых в поэтическом тексте

основано на явном нарушении различных норм, в том числе и языковых. Данные нарушения приводят к созданию эпатирующего эффекта. Под эпатирующим эффектом понимается такое психологическое состояние реципиента, которое достигается тем, что поэты нарушают общепринятые нормы и правила специально для того, чтобы удивить, поразить, ошеломить читателя.

2. Эпатирующий эффект эмотивной лексики возникает в результате использования а) нескольких эмотивов с противоположным значением; б) близких по значению эмотивов, характеризующихся наличием различных сем эмотивности; в) эмотивов, содержащих семы негативной оценки, для описания «высокой» ситуации.

3. В футуристическом тексте эпатирующий эффект создают не все функционирующие просторечия, а только некоторые группы. Такими просторечиями являются «внелитературные» просторечия и слова, относящиеся к экспрессивной разговорной лексике.

4. Большая роль в возникновении эпатажа принадлежит окказиональной лексике, включенной в футуристический текст. При этом все окказионализмы, образованные с нарушением законов словообразовательной системы русского языка, а также окказионализмы, лексическое значение которых не соотносится со значением контекста, и окказионализмы, образованные от слов-эмотивов, являются элементом «эпатажной лексики».

5. Футуристическая метафора способствует созданию эпатирующего эффекта в том случае, если она: а) нарушает этические и эстетические нормы; б) содержит в себе единицы «эпатажной лексики».

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на аспирантских семинарах факультета филологии, на заседании кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета и кафедры русского языка Самарского государственного университета, а также были изложены в докладах на конференциях: «Филологические чтения» (г. Оренбург, 2006, 2007); «Ефремовские чтения» (г. Санкт-Петербург, 2007, 2008); «Масловские чтения» (г. Мурманск, 2007); «Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира» (г. Архангельск, 2007); «Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества» (г. Оренбург, 2007); «Калуга на литературной карте России: Реальность – литература – текст» (г. Калуга, 2007); «Через культуру – к профессии» (г. Оренбург, 2007). Результаты исследования отражены в 11 публикациях, включая одну в издании, рекомендованном ВАК РФ для опубликования результатов кандидатских диссертаций.

Объем и структура диссертации. Диссертационное исследование изложено на 180 страницах и состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, содержащего 225 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность, объект, предмет, материал исследования, определяются цель, задачи, методы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, ее структура.

Первая глава «Эпатаж как основной прием футуризма» посвящена исследованию основных особенностей поэзии русского футуризма и такой стилиобразующей ее черты, как эпатаж.

Русский футуризм – крупнейшее явление литературно-художественного авангарда начала XX века. Это одно из универсальных художественных движений, связанных с порывом к свободному творению новых форм и бунтом против канонов классического искусства. Художественный произвол, эпатаж, уничтожение всех авторитетов и канона как такового, с одной стороны, создание проекта нового мироустройства, с другой, определили характер авангардистского менталитета. Футуристы декларативно избрали стратегию «неуспеха»: постоянно демонстрировали презрение к публике, тем самым эпатажируя ее.

Современные исследователи русского футуризма (С.Е. Бирюков, И.Е. Васильев, Е.А. Иванова, И.Ю. Иванюпина, Е.О. Кириллова, А.В. Крусанов, О.М. Култышева, В.Ф. Марков, И.М. Сахно, Н.И. Харджиев и др.) в качестве основной характеристики творчества этого поэтического направления называют эпатаж – поведение, нарушающее общепринятые нормы и правила. Сами футуристы рассматривали эпатаж как средство пропаганды нового – футуристического – искусства.

В творчестве русских футуристов условно можно выделить две формы эпатажа. Первая связана с поведением футуристов, а вторая находит воплощение в структуре поэтического текста. Поведенческий эпатаж проявляется на нескольких уровнях. Во-первых, это внешний вид футуристов, связанный с весьма необычной манерой одеваться и раскрашивать лица; во-вторых, их поведение во время выступлений на различных вечерах, олимпиадах, турне; в-третьих, внешний вид футуристических сборников и авторских изданий.

Футуристы настойчиво рекламировали свою деятельность, пользуясь любой возможностью для утверждения собственной значимости. Их концерты, лекции, вечера протекали, как правило, в обстановке скандала. Раскрашенные лица, оригинальные одежды, эксцентричные выходы, разрушительно-нигилистический пафос стихов и деклараций – вся эта кричащая театрализованная атрибутика свидетельствовала о желании футуристов быть не похожими на других и тем самым обратить внимание на себя. Нарушение моральных и эстетических норм, требований вкуса, здравого смысла свидетельствовало о накоплении в их деятельности критической массы брутально-волевых импульсов. Желание шокировать программировало экстремистский характер творчества футуристов.

Поведение футуристов в высшей степени семиотично. Сопrotивление любым формам давления нормативности входило в идеологию футуризма, определяло его поэтику и диктовало поведенческую программу. Футуристы избрали стратегию отрицательного самоопределения. Нормативным стало нарушение норм. Поведение футуристов можно охарактеризовать как «обратное,

перевернутое, опрокинутое», где происходит «замена тех или иных регламентированных норм на противоположность» (Б.А. Успенский). Нарушая правила поведения, совершая непредсказуемые поступки, преодолевая границы культурного поля, футуристы добились главного: они привлекли всеобщее внимание и заставили себя выслушать.

Одной из разновидностей поведенческого эпатажа явился выпуск футуристических книг и сборников. Напечатанные на обратной стороне обоев, раскрашенные вручную, имеющие пятиугольную форму, они нарушали привычное представление о книге – традицию полиграфического дела.

Однако наиболее яркое выражение эпатаж нашел на текстовом уровне. Язык поэзии русских футуристов привлекает внимание исследователей на протяжении многих лет (в первой четверти XX века вышли работы К.И. Чуковского, Р.О. Якобсона, В.Б. Шкловского, Г.О. Винокура, во второй половине XX века появились исследования А.Ю. Астафьева, И.Е. Васильева, Ю. Карабчиевского, М.В. Лобановой, Е.В. Тырышкиной и др.).

Особенностью футуристического языка является отказ от поэтических норм, выразившийся через нарушение норм языковых. При этом под языковой нормой понимается совокупность употребляемых (общепринятых) языковых средств, характеризующихся вместе с тем как правильные, предпочитаемые, образцовые, обязательные и т.д. Однако эпатаж – это не любое нарушение языковой нормы. Для возникновения эпатажа в футуристическом тексте должны быть соблюдены следующие условия:

- одновременное использование двух эмотивов с несовместимым значением либо эмотивов, содержащих контрастивные семы эмотивности;
- одновременное использование нескольких эмотивов, близких по лексическому значению, но содержащих различные семы эмотивности;
- использование некоторых групп просторечной лексики в лексической структуре поэтического текста;
- наличие окказионализмов, образованных с нарушением законов словообразовательной системы русского языка;
- наличие окказионализмов, лексическое значение которых не соотносится со значением контекста, или окказионализмов, образованных от слов-эмотивов (законы словообразовательной системы русского языка при этом не нарушаются).

Анализ фрагментов футуристических текстов показывает, что многие из них создают эпатажирующий эффект, хотя и не соответствуют ни одному выше-названному критерию. Это связано с тем, что футуристы помимо языковых норм часто нарушают этические и эстетические нормы. Таким образом, можно говорить о том, что критериями возникновения эпатажа в футуристическом поэтическом тексте являются следующие: 1) нарушение языковых норм (перечисленных ранее); 2) нарушение этических норм (например, намеренное снижение сакрального образа Бога, неба, звезд); 3) нарушение эстетических норм (наблюдается в результате смешения поэтами понятий «прекрасное» и «безобразное»).

По мнению исследователей авангардной литературы, типично футуристическими произведениями являются такие, где 1) словесная форма сведена к

нулю, к молчанию, автор передает свое состояние средствами собственного тела, 2) слово творится каждый раз заново, согласно законам авторского самовыражения («заумь»). Наиболее ярким примером произведений первого типа является «Поэма конца» В. Гнедова, ориентированная не столько на книжную, сколько на исполнительскую, жестовую интерпретацию. Второй тип произведений обнаруживается в творчестве почти всех футуристов. Следует выделить третью группу футуристических текстов. От первой они отличаются тем, что имеют звуковую оболочку, и для того чтобы понять содержание текста, реципиенту не нужно видеть его исполнителя. Сравнивая данный корпус текстов со второй группой, можно заметить, что слова здесь не творятся каждый раз заново. Однако третья группа представляет не меньший интерес для исследователей, чем первые две, ибо содержит стилиобразующие единицы, способствующие узнаванию футуристических текстов даже по прошествии многих десятилетий. Основные из них – эмотивная и сниженная лексика, окказионализмы, различные виды метафорического переноса. Именно эта лексика в своей совокупности способствует созданию эпатажного эффекта при чтении или слушании футуристического текста. Совокупность подобных лексических единиц, функционирующих в футуристическом тексте, можно обозначить «эпатажной лексикой». Таким образом, третьей группой футуристических текстов являются те, которые содержат единицы «эпатажной лексики».

Под *эпатающим эффектом* понимается такое эмоциональное состояние реципиента, которое вызвано явным нарушением поэтами общепринятых норм и правил. На языковом уровне нарушаются лексические, грамматические, пунктуационные нормы. Усиливается эпатающий эффект за счет экстралингвистических факторов: нарушения эстетических и этических норм, культурных традиций, представлений о сложившихся стереотипах. Использование в художественном тексте различного рода нарушений вызывает удивление со стороны читателя, зачастую рождает у него бурную реакцию, поражает воображение, т.е. создает эпатающий эффект.

При систематизации корпуса «эпатажной лексики» можно классифицировать её, опираясь на разные основания. С точки зрения соответствия лексики языковому узусу «эпатажная лексика» включает в себя две группы:

1. Общеязыковая:

- а) литературная лексика с несовместимым лексическим значением;
  - б) просторечная лексика, недопустимая в поэтическом тексте.
2. Индивидуально-авторская (окказиональна) лексика.

С точки зрения типа нарушения нормы «эпатажная лексика» может быть представлена тремя группами:

1. Лексика, содержащая нарушения в лексической сочетаемости слов.
2. Лексика, содержащая нарушения в сфере употребления.
3. Лексика, содержащая нарушения в словообразовании.

Значимой для реферируемого исследования является классификация «эпатажной лексики» с позиции реципиента. При таком подходе выделяются три группы «эпатажной лексики»:

1. Эмотивная лексика.

2. Просторечная лексика.
3. Окказиональная лексика.

За пределами классификации остались все явления «зауми», являющейся, безусловно, одним из ярких примеров возникновения эпатажа. Но эпатирующий эффект, создаваемый «заумными» словами, носит иной характер: сначала эпатаж возникает на фонетическом уровне, т.к. читатель сталкивается с непривычными для русского языка букво- и звукосочетаниями, и только после этого он пытается наполнить семантикой звуковую оболочку.

Во второй главе «Лексические средства создания эпатирующего эффекта в поэзии русского футуризма» анализируется типология «эпатажной лексики», проводится анализ лексических единиц, относящихся к этой группе.

«Эпатажная лексика», функционирующая в футуристическом тексте, представлена тремя группами лексических единиц: эмотивной, просторечной, окказиональной лексикой.

1 группа. В лингвистике сложились две точки зрения на вопрос выделения эмотивной лексики в речи и ее классификации: 1) к эмотивной лексике относятся слова, называющие чувства (например, *любовь, ненависть, доброта*) и выражающие эмоционально-оценочное отношение к явлениям действительности говорящего (А.М. Финкель, Л.Г. Бабенко, Е.М. Галкина-Федорук, Н.М. Баженов и др.); 2) исключение из числа эмотивной лексики слов, называющих эмоции (И.В. Арнольд, В.П. Берков, Э.А. Вайгла, Т.А. Трипольская, В.И. Шаховской, Д.Н. Шмелев и др.).

Мы в своей работе придерживаемся второй точки зрения, понимая под эмотивной лексикой «слова (или лексико-семантические варианты), являющиеся носителями информации об эмоциональном отношении говорящего к действительности, т.е. слова с объективно присущим эмоциональным значением, служащие средством эмоционального отношения к окружающему» (Э.А. Вайгла).

Анализ фрагментов футуристических текстов показал, что 98 фрагментов содержат эмотивы, создающие эпатирующий эффект. *Условия функционирования эмотивной лексики* в футуристическом тексте, при которых происходит возникновение эпатажа, следующие:

I. Использование двух и более лексем с несовместимым эмоционально-оценочным значением. Например, в стихотворении Д. Бурлюка «Немая ночь, людей не слышно» встречаются два словосочетания, содержащие лексемы с несовместимым значением:

Как глубоко под *черным снегом*
Прекрасный труп похоронен.

В лексеме *черный* актуализировано ассоциативное значение: в русской языковой картине мира черный цвет наделен негативными ассоциациями. Слово же *снег* содержит в качестве ядерной сему «белый цвет». Однако окончательный эпатирующий эффект в тексте создается использованием другого словосочетания, компоненты которого также построены на антонимических отношениях, – *прекрасный труп*. Семантика существительного *труп* исключает использование вместе с ним прилагательного, содержащего сему восхищения.

II. Одновременное использование нескольких эмотивов, близких по лексическому значению, но различных по характеру выражаемых данными лексемами эмоций. Часто футуристический текст задает эмоциональный настрой уже с первых строк. Причем, как правило, первые строки нацелены на создание у читателя отрицательных эмоций. Так, стихотворение К. Олимпова «Глагол родителя мироздания» содержит указание на адресата – «негодяям и мерзавцам», а «Анафема родителя мироздания» – «проститутам и проституткам». Лексемы *негодяй* и *мерзавец* имеют ярко выраженную негативную оценку, которая заложена в их лексическом значении. Употребление данных слов в языке и речи можно наблюдать при характеристике подлого, низкого человека. Лексема *проститутка* называет «профессию», при этом в толковых словарях не содержится никаких стилистических помет. Но в культурном сознании русского человека она ассоциируется с чем-то низким, а следовательно, вызывает отрицательные эмоции у читателя и слушателя. Окончательно эпатирующий эффект формируется в сознании читателя, когда приходит понимание, что поименованный адресат и есть он сам (футуристы, как известно, адресовали свои поэтические тексты широким массам).

III. Использование эмотивной лексики, содержащей семы негативной оценки, для описания «высокой» ситуации. Реализация данного условия выявляется в анализе фрагментов, представляющих концепт «Бог» – один из ключевых (Ю.С. Степанов, Е.В. Сергеева) в русской картине мира. Он представлен во многих художественных текстах XIX – начала XX вв., однако снижение сакрального образа Бога характерно лишь для футуристического текста, отличающегося богоборческими мотивами:

Я думал – ты *всесильный божнице*,

А ты *недоучка, крохотный божик!* (Маяковский)

Лексемы *божнице* и *божик*, являющиеся окказиональными образованиями, приобретают эмоциональную окраску за счет присоединения к производящей основе суффиксов субъективной оценки. Эмоциональный оттенок пренебрежения накладывается на производные слова в результате того, что В. Маяковским нарушается изображение Бога, имеющего в сознании русского народа образ всесильного существа. Содержат в себе семы эмотивности и эпитеты *всесильный* и *крохотный*. Однако усиливает эпатирующий эффект, созданный использованием названных эмотивов, введение в художественный текст лексемы *недоучка*, имеющей негативный оттенок значения и употребляющейся только по отношению к человеку. Путем использования данного эмотива поэт-футурист стремится показать свою равновеликость Богу.

2 группа «опатажной лексики» представлена лексемами, относящимися к просторечной лексике. Изучением просторечия занимались такие ученые, как Б.А. Ларин, В.В. Колесов, Л.П. Крысин, Л.А. Капаназде, Ю.С. Сорокин, Л.И. Баранникова, В.В. Химик, Д.Н. Шмелев и др. Данная лексическая единица в толковых словарях имеет помету *просторечное* или *грубо-просторечное*. Г.Н. Складаревская выделила пять лексических разрядов с такими пометами: лексика, нейтральная в разговорной речи; экспрессивная разговорная лексика; «вне-литературное» просторечие; лексика профессиональной речи; жаргонизмы. Эпа-

тирующий эффект при этом создается использованием в художественном тексте «внелитературного» просторечия и экспрессивной разговорной лексики. В анализируемых фрагментах обнаружен 131 пример такого словоупотребления.

Просторечие, функционирующее в футуристическом тексте, можно разделить на две группы в соответствии с выполняемыми им функциями: 1) просторечие, выполняющее номинативную функцию, и 2) просторечие, выполняющие предикативную функцию.

«Номинативное» просторечие представлено двумя текстовыми лексикотематическими группами: номинации частей тела человека и номинации человека или группы лиц. Для обозначения лица футуристами чаще всего используется лексема *морда*, реже лексемы *рожа* и *рыло*: ...непокорным – / плющат *морды* / <...> / плюнут им / в *рожу* – / *рожу* вытрут. / «Не по *рылу* грохот нам...» (Маяковский). В качестве других просторечных слов, называющих части тела человека, наиболее частотны лексемы *зенки*: Пусть кричат *возжаки*, / Плюньте им в *зенки*! (Хлебников); *пузо*: Это слово не к жирному *пузу*... (Маяковский); *зад*: *Голейший зад* виднеется (Маяковский); *Мистер Форд*, / для *вашего*, / для высохшего зода / разве мало / двух / просторнейших машин? (Маяковский).

Среди лексем, служащих для номинации человека, наиболее частотными оказываются следующие: *дурак* (и лексико-семантический вариант *дурень*), *идиот*, *святоша*, *хлопец*: Они – / *Великовозрастные дурни* (Северянин); Мы ж, *хлопцы*, весело заржем / И топим камнями в глубинах *Чартория* (Хлебников).

Для обозначения группы лиц используются лексемы *братва* и *орава*:

И в море мне шумит *братва*,
Шумит морскими голосами,
И в небесах блестит *братва*
Детей лукавыми глазами.... (Хлебников)

Животами пустились в пляс животному *оравой*,
Как на этих сумасшедших благосклонно
ни взгляни... (Северянин)

«Предикативное» просторечие в футуристическом тексте выражают прерывательное, неодобрительное отношение не только к производимому действию, но и ко всему, о чем идет речь в высказывании:

А я, одет умом в простое,
Лакаю собачонкой
В серебряном бочонке
Вино золотое. (Хлебников)

Лексема *лакать* в значении ‘есть (жидкость), вбирая вытянутым языком’ (Ожегов) используется для обозначения действия животного. Однако из контекста ясно, что представлено действие человека. При этом глагол приобретает просторечное значение с оттенком неодобрения, которое распространяется и на субъекта, т.е., вводя предикат, называющий действие животного для обозначения действия человека, футурист уподобляет человека животному. Как известно, в русском языке сравнение человека с животным чаще всего имеет негативную эмоциональную оценку.

Эпатирующий эффект создается за счет нескольких факторов: во-первых, необычна описываемая в тексте ситуация; во-вторых, во фрагменте используются два эмотива (*бешенный, хвостнице*); в-третьих, в текст введен просторечный вариант формы сравнительной степени прилагательного (*почище*); в-четвертых, предикат *развеериться* является окказиональным образованием.

У И. Северянина встречаем окказионализм *огромить*:

Иронию жених знакомит
С приват-доцентом; декаданс
В глазах иронии *огромит*
Огромный гномный томный Ганс.

Значение данного новообразования «делать огромным». Эпатаж в данном примере возникает за счет использования двух однокоренных эмотивов, один из которых является окказионализмом.

В. Маяковский использует окказиональное деепричастие *огромив*, но лексическое значение глагола *огромить*, формой которого оно является, не совпадает со значением того же глагола у И. Северянина:

Мир *огромив* мощью голоса,
иду –
красивый,

двадцатидвухлетний.

Значение глагола *огромить* у В. Маяковского – «оглушить голосом, подобным грому». Окказиональный глагол *огромить* образован от существительного *гром* префиксально-суффиксальным способом, в отличие от окказионализма И. Северянина, образованного суффиксальным способом (с усечением производящей основы) от прилагательного *огромный*. Таким образом, мы можем говорить только о внешнем сходстве данного окказионализма в поэзии В. Маяковского и И. Северянина.

Окказиональные глаголы, образованные префиксально-суффиксальным способом, обнаруживаются и в творчестве И. Северянина:

Я хочу *ошедевить*, я желаю *оперлить*
Все, что связано с вами, – даже, знаете, соус...

Словообразовательное значение данных глаголов – «окружить, наполнить тем, что названо мотивирующим существительным или прилагательным». Эпатаж возникает потому, что семантика производных существительных *шедевр* и *перл* препятствует образованию от них глаголов. Лексема *перл* вообще является устаревшей, в современном русском языке она используется в переносном значении – ‘нечто нелепое и смешное, бессмысленное’ (Ожегов). Но учитывая тот факт, что произведение было написано в начале прошлого века, мы можем предположить, что поэт в качестве производящей основы использовал лексему *перл* в значении ‘нечто замечательное, прекрасное’, имеющую в словаре помету *ироничное*. Именно поэтому новообразование *оперлить* несет в себе гораздо большую эмоциональную нагрузку, нежели новообразование *ошедевить*.

Значительно большую по объему группу составляют окказионализмы, являющиеся именами существительными (Ю.Н. Сичинава только в поэзии В. Маяковского выделила 388 окказиональных имен существительных). Однако эпатирующий эффект создает сравнительно небольшая группа новообразова-

В. Маяковский чаще всего использует просторечные глаголы в метафорическом значении. Например: *А улица присела и заорала: / «Идемте жрать!»*. Лексема *жрать* является бранной и потому не входит в состав литературного языка. Включение ее в поэтический контекст создает эпатирующий эффект, который усиливает глагольную метафору *улица присела и заорала*. Следует отметить, что предикат *заорать* не только находится за пределами литературного языка, но и содержит при себе помету «неодобрительное» (Ожегов).

3 группу «эпатажной лексики» составляют окказиональные образования (всего 117 лексем). Под окказионализмом понимается «лексико-словообразовательная инновация, создаваемая в потоке живой или в разных стилистических сферах письменной речи при помощи синхронных способов словообразования с соблюдением всех или части условий реализации словообразовательного типа или по индивидуально-авторской модели» (Б.А. Белова).

Окказионализмов, образованных от слов, не существующих в русском языке, в футуристическом творчестве сравнительно немного. Яркий пример использования этого подтипа «эпатажной лексики» представляет стихотворение В. Гнедова «Летана»: *Уверхаю лёто на муравой...* На первый взгляд может показаться, что оно написано на «заумном» языке. Но при анализе новообразований, можно выделить производящие основы всех слов, что нельзя сделать с «заумными» словами. В данной строке два новообразования – *уверхать, лёто*. Производящими для них являются соответственно слова *верхать* и *лётый*, не зафиксированные в лексической системе русского языка. Следовательно, определить лексическое значение новообразований довольно сложно. В данном случае эпатирующий эффект возникает в результате того, что реципиент догадывается, о чем идет речь, поскольку ему знакомы корневые морфемы и их ассоциативное значение, но точно определить лексическое значение окказионализмов он не может, т.к. производящие слова не входят в лексическую систему современного русского языка.

Окказионализмы, производящие основы которых входят в состав русского языка, образуют две группы: 1) окказионализмы, образованные в соответствии с законами словообразовательной системы русского языка; 2) окказионализмы, образованные с нарушением законов словообразовательной системы.

1. В творчестве футуристов большую часть окказионализмов, образованных в соответствии с законами словообразовательной системы, составляют глаголы. Однако эпатирующий эффект в тексте создают далеко не все из них (в анализируемых фрагментах выявлено 78 «эпатажных» окказионализмов, образованных в соответствии с законами словообразовательной системы русского языка). Окказионализмы В. Маяковского, как правило, всегда являются компонентом «эпатажной лексики»:

Этого-то,

всяких клыков почище,

я и не заметил в бешеном скачке:

у меня из-под пиджака

развеерился хвостиче

и вьется сзади,

большой, собачий.

структуру футуристического текста и приводящих к возникновению эпатажа, выделены тематические группы метафор.

Как правило, метафора возникает при уподоблении одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств и действий, характеризующих эти явления, это «способ создания языковой картины мира, возникающий в результате когнитивного манипулирования уже имеющимися в языке значениями с целью создания новых концептов, особенно для тех сфер отражения, которые не даны в непосредственном ощущении» (В.Н.Телия). Однако метафоры, используемые футуристами, иногда настолько неожиданны, что определить основание метафорического переноса оказывается довольно сложно (например, метафора Д. Бурлюка *звезды – гнойная живая сыть*). Принято считать, что метафорические переносы осуществляются в определенных направлениях из одной семантической сферы в другую: предмет – предмет; предмет – человек; предмет – физический мир; предмет – психический мир; предмет – абстракция; животное – человек; человек – человек; физический мир – психический мир.

В лексической структуре футуристических текстов нашли выражение все схемы метафорического переноса. Однако созданию эпатажирующего эффекта способствуют только следующие, причем некоторые с обратным вектором переноса: «предмет – предмет» (*звезды – черви*), «физический мир – предмет» (*поцелуи – окурки*), «психический мир – физический мир» (*идеи – трамваи с публикой*). Футуристическая метафора, создавая эпатажирующий эффект, использует и такие схемы, как «явление природы – человек» (*ночь – негодяйка, у облячка гримаска на морщинке ротика*), «человек ↔ город» (*улицы – ресторанные пропойцы и моты, мозги черепа – улицы города*).

Творчество футуристов изобилует метафорами, создающими эпатажирующий эффект, их можно называть «эпатажными» по аналогии с имеющимися в науке терминами – «оценочная», «образная», «экспрессивная».

«Эпатажные» метафоры используются футуристами для описания локусов *Вселенная, город, человек*. Проводя сравнение элементов Вселенной с объектами живого и неживого мира, поэты-футуристы пытаются уподобить названный локус окружающим его реалиям, показав тем самым свою величественность, значимость, власть над природой. Наибольшее количество «эпатажных» метафор наблюдается при описании локуса Вселенная, представленного в тексте через зооморфные гештальты (собака, лошадь и др.): *Вселенная спит, / положив на лапу / с клешнями звезд огромное ухо* (Маяковский); *Ну, тащися, Сивка / Шара Земного. / Я запряг тебя сохой звездною* (Хлебников).

Еще один способ дать представление о Вселенной складывается из описания ее составных элементов: неба, земли, солнца, звезд, луны. Наиболее частотны «эпатажные» метафоры неба: *Небо – трун!! не больше! / Небо – смрадный трун!!* (Д. Бурлюк).

В основе «эпатажной» метафоры лежат, как правило, биоморфные и антропоморфные гештальты: *Небоскребы трясутся и в хохоте валяются <...> Чьи-то невидимые игривые пальцы / Щекочут землю под мышками* (Шершене-

вич). Эпатирующий эффект возникает в результате антропоморфного описания природного явления – землетрясения.

Эпатируется футуристами и такой традиционный поэтический образ Вселенной, как звезды: *Звезды – черви – пьяные туманом... Звезды – черви – (знойная живая) състь!!* (Д. Бурлюк). Поэт использует неожиданный антиэстетический ассоциат для того, чтобы вызвать чувство отвращения у читателя, что является одним из способов возникновения эпатажа (нарушение эстетических норм).

Локус *город* в поэзии футуристов представлен двумя способами, так же, как и в произведениях других представителей поэзии «серебряного века»: 1) гештальт города, в основе которого лежат мифологические или метафорические смыслы; 2) собственно поэтический портрет города, создаваемый перечислением номинаций частей города и его «атрибутов» и формирующий эмоционально-физический план городской ситуации на основе текстовой синтагматики. Однако в отличие от других поэтов футуристы используют эпатажные способы презентации данного локуса.

У эгофутуриста К. Олимова в стихотворении «Буква Маринетти» представлен антропоморфный гештальт города: *Мозги черепа – улицы города / Идеи – трамваи с публикой – грезы / Мчатся по рельсам извилистых нервов*. Использование в лексической структуре поэтического текста номинации *черепа* всегда вызывает реакцию со стороны читателя – удивление, изумление.

Гештальт *город – повешенный* встречаем у В. Маяковского: *Где города / повешены / и в петле облака / застыли / башен / кривые вьш*. Здесь эпатаж возникает в результате «зрительного» восприятия метафоры: предикат *повешены* может быть употреблен только по отношению к человеку, следовательно, реципиент, прочитав эти строки, рисует в своем воображении образ умершего человека. Такой образ у читателя вызывает отрицательные эмоции, а поскольку в данном фрагменте употреблена метафора *город-мертвец*, то негативные эмоции достигают апогея: результатом привлечения в художественный текст метафоры становится эпатирование реципиента.

Поэтический портрет города в поэзии футуристов представлен чаще всего такими его обязательными «атрибутами», как улицы, тротуары, бульвары, фонари: *у бульвара цветники истекают кровью* (Маяковский). В данном случае поэтом проводится двойная ассоциация: во-первых, ассоциация по цвету: и кровь и цветник красного цвета; во-вторых, ассоциация по функции: кровь является жизненно необходимой жидкостью, следовательно, цветник – олицетворение жизни. Эпатирующий эффект создается в результате столкновения категорий прекрасное (цветник) и ужасное (убийство) в пределах одной метафоры.

Создавая футуристическую картину современного города, поэты вводят жуткие гротескные образы, никак не мотивируя их появление: *Фонари световыми топорами / Разрубили городскую тьму на улицы гулкие. / Как щепки, под неслышными ударами / Отлетали маленькие перелуки* (Шершеневич).

Футуристические метафоры, представляющие локус *человек*, носят характер дефиниции и эпатируют читателя за счет включения в поэтический текст «непоэтизмов» и окказиональных образований: *Глаза у судьи – пара*

жестянок / мерцает в полойной яме (Маяковский); Его уста – орошенная язва (И. Северянин). Внутренне состояние объекта рисуется с помощью динамичных и статичных гештальтов: А тоска обгрызает у души моей ногти (Шершеневич); Душа только пепельница, полная окурков / пепельница! / Так не суйте же туда еще, и снова, и опять! (Шершеневич).

В **Заключении** подводятся итоги исследования в соотношении с поставленными задачами.

Характерной чертой творчества русских футуристов является эпатаж, проявляющийся на двух уровнях – на уровне поведения и на уровне языка. Поведенческий эпатаж характеризуется скандальным поведением, оформлением футуристических сборников и др. Возникновению эпатажа на текстовом уровне способствует нарушение языковых и неязыковых норм.

Критериями возникновения эпатажа являются следующие: 1) явное нарушение языковых норм; 2) нарушение этических норм (например, намеренное снижение сакрального образа Бога, неба, звезд); 3) нарушение эстетических норм (часто наблюдается в результате смешения поэтами понятий «прекрасное» и «безобразное»). Совокупность лексем, использование которых в футуристическом тексте приводит к языковому эпатажу, можно назвать «эпатажной лексикой».

Футуристическая метафора также отличается созданием эпатирующего эффекта. Такие метафоры, как правило, описывают локусы *Вселенная, город, человек*.

«Эпатажная лексика» является стилеобразующей для поэзии русских футуристов. Она способствует узнаванию футуристического текста и выделению его из числа других. Возможно, в структуре футуристического текста имеются и другие единицы, неисследованные в данной работе, которые также способствуют созданию эпатирующего эффекта (например, различного рода трансформации и разрушения фразеологического оборота). Дальнейшее изучение единицы «эпатажной лексики» представляется нам перспективным.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Завадская, А.В. Окационализм как элемент «эпатажной» лексики в поэзии русских футуристов / А.В. Завадская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2008. – № 1. – С. 31-35 (0,4 п.л.).

Научные статьи:

2. Завадская, А.В. Просторечная лексика как средство создания эпатирующего эффекта в поэзии В. Маяковского (на материале цикла «Стихи об Америке») / А.В. Завадская // Филологические чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург, 3 ноября 2006 г. – Оренбург: Издательство ИПК ГОУ ОГУ, 2006. – С. 296-300 (0,25 п.л.).

3. Завадская, А.В. «Вселенная» глазами кубофутуристов: лексический аспект сборника «Дохлая луна» / А.В. Завадская // Десятые Ефремовские чтения: Концепция современного мировоззрения (к 100-летию со дня рождения И.А. Ефремова): Материалы 10-й юбилейной международной научной конференции. – СПб.: ЛЕМА, 2007. – С. 48-51 (0,2 п.л.).
4. Завадская, А.В. К вопросу о функционировании неологизмов в структуре футуристического текста / А.В. Завадская // V Масловские чтения: Сборник научных статей. – Мурманск: МГПУ, 2007. – С. 249-253 (0,3 п.л.).
5. Завадская, А.В. «Эпатажные» способы репрезентации локуса «город» в творчестве В. Маяковского / А.В. Завадская // Реальность – литература – текст: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Калуга на литературной карте России». – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2007. – С. 18-22 (0,2 п.л.).
6. Завадская, А.В. Эпатажные элементы в поэтической картине мира русских футуристов (на примере поэзии Д. Бурлюка) / А.В. Завадская // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2007. – С.259-262 (0,25 п.л.).
7. Завадская, А.В. «Заумь» как составляющая футуристического дискурса / А.В. Завадская // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества: материалы международной научно-практической конференции. Оренбург, 6-7 ноября 2007 г. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – С. 59-65 (0,3 п.л.).
8. Завадская, А.В. Теоретические установки футуристов в отношении поэтического языка / А.В. Завадская // Филологические чтения: материалы Международной научно-практической конференции (Оренбург, 1-2 ноября 2007 г.). – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. – С. 315-320 (0,4 п.л.).
9. Завадская, А.В. Эпатажный характер футуристического творчества / А.В. Завадская // Через культуру – к профессии. Материалы конференции. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. – С. 201-207 (0,35 п.л.).
10. Завадская, А.В. Эпатаж как основной прием футуризма / А.В. Завадская // Вестник ОГУ. – 2008. – № 82. – С. 17-18 (0,05 п.л.).
11. Завадская, А.В. «Эпатажный» характер окказиональной лексики в структуре футуристического текста / А.В. Завадская // Одиннадцатые Ефремовские чтения: Концепции современного мировоззрения: Материалы 11-й международной конференции «Ефремовские чтения». – СПб.: ЛЕМА, 2008. – С. 122-125 (0,2 п.л.).

10 =

Лицензия № ЛР020716 от 02.11.98.

Подписано в печать 05.11.2008.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 1,0. Тираж 100. Заказ 621.

ИПК ГОУ ОГУ

460352, г. Оренбург, ГСП, пр. Победы, 13.

Государственное образовательное учреждение
«Оренбургский государственный университет»
